

честве других идеологов конца XV в. этот момент был, по-видимому, относительно второстепенным, то у Нила аскетизм и мистика являлись одной из наиболее характерных особенностей. Эта особенность сближала Нила Сорского с византийскими писателями мистического направления, «исихастами», такими, как Григорий Синаит, Григорий Палама и др. У византийских мистиков Нил Сорский, по-видимому, заимствовал идею «умной» (внутренней) молитвы, психологический анализ развития «страстей» и т. д.¹³⁸

В чем смысл мистической направленности в учении Нила Сорского? Роль мистики в развитии средневековой идеологии довольно сложна. Мистика — учение о возможности непосредственного общения человека с богом — в какой-то степени присуща всякому религиозному мировоззрению; мистическое направление существовало в средние века и в римско-католической и в греко-православной церкви. Иногда, как отмечает Энгельс, мистические учения играли роль одной из форм, в которых находила выражение «революционная оппозиция феодализму».¹³⁹ Однако в большинстве случаев мистические учения отнюдь не противостояли официальной церкви и не порывали с церковной ортодоксией. Различие между двумя направлениями средневековой мистики определялось в первую очередь их разным отношением к феодальной церковной организации: «революционной оппозицией феодализму» мистика становилась лишь в том случае, если она во имя прямого общения человека с богом объявляла ненужными церковь и внешние формы культа.

Едва ли необходимо доказывать, что мистицизм Нила Сорского не был проявлением «революционной оппозиции феодализму». В отличие от еретиков XV—XVI вв., ни Нил Сорский, ни его ученики никогда не выступали против обрядов; в XVI в. одному из наиболее последовательных нестяжателей, Артемию, пришлось во время его пребывания в Литве даже выступить с развернутой апологией внешних форм культа против еретика Феодосия Косого.

Уже учителя Нила, византийские «исихасты», были вполне ортодоксальны по своим взглядам на церковную организацию: в ходе религиозной борьбы XIV в. именно «исихасты» получили поддержку официальной церкви; еретиками были признаны их противники, сторонники изучения светской античной науки — «варлаамиты» (опиравшиеся на городские массы).¹⁴⁰ Но Нил Сорский был еще умереннее византийских «исихастов». Г. Левицкий, единственный исследователь, обративший внимание на своеобразие взглядов Нила по сравнению с его учителями (хотя и исключительно в богословском плане), уже отметил, что у Нила совершенно отсутствует свойственное восточной аскетике учение «о нормальном человеке», «о добродетели как состоянии, естественным образом развивающемся из заложенных в природу человека добрых задатков».¹⁴¹ А между тем именно это учение о «первоначальном единении бога с человеком» и

стыря Досифей и прислал из Саватьева». Рук. Иосифа Волоцкого, по-видимому, написан текст на лл. 2—15 об. и 17—333 об. О «фаворском свете» ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 170—172. Ссылку на Симеона см. ВМЧ, стлб. 513.

¹³⁸ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 177—178; С. Вилинский. Послания старца Артемия, стр. 315—341.

¹³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 129.

¹⁴⁰ Ф. И. Успенский. История Византийской церкви, т. III. М.—Л., 1948, стр. 708—714.

¹⁴¹ Работа Г. Левицкого издана, к сожалению, только в виде краткого отчета о его занятиях; см.: Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого о занятиях в 1889—90 г. Христианское чтение, 1895, вып. 2—3, Протоколы заседаний совета СПб. духовной академии, стр. 332—335.